

Независимая газ. - 2003 - 14 февр. - с. 7.

Последовательная художница

Лауреат премии «Триумф» Наталья Нестерова не пользуется красной краской ни в Москве, ни в Нью-Йорке

Григорий Заславский

Наталья Нестерова прилетела в Москву всего на несколько дней, чтобы получить премию «Триумф». Живописец, график, Нестерова в 1968 г. окончила Московский государственный художественный институт им. В.И. Сурикова. В следующем же году стала членом Союза художников СССР. Академик Российской академии художеств, живет и работает в Москве и в Нью-Йорке.

Наталья Игоревна! Насколько для художника важно публичное признание? Или каждая проданная картина важнее, чем очередная премия?

— На самом деле не так часто вручают премии. А «Триумф» — очень серьезная премия. Если вы посмотрите на людей, которые ее получают, то увидите, что это все достойные, на мой взгляд, люди. Так что получение премии — великая честь.

— **Вы возвращаетесь в Нью-Йорк. А где вы живете, где ваш главный дом?**

— Мой дом — Москва.

Лауреат премии «Триумф» Наталья Нестерова.

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

вычайно вдохновляет и поддерживает.

— **А вам самой было бы интересно взяться за роспись храма?**

— Это совершенно другая профессия, нежели станковая живопись. Сейчас об этом уже поздно думать, мне уже это не под силу. Может быть, много лет тому назад это было бы интересно. Но, теперь

нулась, если бы продолжала жить в Москве. У меня была работа, где люди состояли только из глаз: на меня такое впечатление произвел Нью-Йорк, что мне казалось, что я вся состою из этих глаз.

— **Когда вы ездите туда и обратно, вы ощущаете, что здесь варится что-то свое? Или мы находимся теперь на одном, общем пяточке?**

ность к определенному стилю. Сегодня академия объединяет несовместимых людей...

— Для меня там не так много людей, которых я почитаю. Это абсолютно порядочные люди и очень хорошие художники. Мне не хочется называть имен. Они есть. Художники всевозможных направлений.

— **Мне кажется, что, так долго находясь рядом с театральными художниками, которым вы преподаете в ГИТИСе, пусть и начинающими, трудно было не пойти по их пути и не попробовать себя в театре. Или единственный опыт сотрудничества с Большим отбил у вас такую охоту?**

— Просто меня больше никто не звал. А когда меня не зовут, я не хожу.

— **Насколько вас волнует то, что происходит в жизни? И как это переходит в живопись?**

— Безусловно, волнует. Одно из самых страшных потрясений — гибель «близнецов» в Нью-Йорке. Мне казалось, что Америка — та норка, куда можно спрятаться. И вдруг я почувствовала, что нет такой норки на земле. Самое ужасное потрясение — смерть моей матери, с которой я была связана всю жизнь. Любое несчастье как-то отражается в творчестве. Картина может иметь ужасную подоплеку и быть при этом веселой.

— **Что такое востребованность для художника?**

— Это и внутреннее и внешнее состояние. Когда человек не востребован, ему очень трудно что-то производить, он начинает задаваться вопросом: для чего же я работаю, если я никому не нужен? Это печально. Когда он востребован, ему радостнее живется.

— **Но востребованность имеет и очень опасную сторону. Когда потребители искусства хотят повторения стиля, манеры...**

— Для меня это не повторение, а вариант. Поскольку я занимаюсь какой-то темой, я ее люблю и мне не скучно сделать ее еще раз в другом варианте. Работа для меня — это психотерапия.

Мне казалось, что Америка — та норка, куда можно спрятаться. И вдруг я почувствовала, что нет такой норки на земле

— **Что же в таком случае вы делаете в Нью-Йорке?**

— Работаю.

— **Сегодня немного художников, чей стиль узнаваем, вы, конечно, из их числа. Бабочки, купальщики в шезлонгах, картонная пирамидка — это ни с кем не спутаешь. Для вас важно движение стиля? Насколько избранная манера видится вам нескончаемой? И не страшно ли начинать что-то новое, если надо отказываться от прежнего?**

— Я никогда не отказываюсь от того, что было. Мой принцип — быть последовательным. Я держу себя в определенных рамках, мне не нужно ничего начинать и ничего заканчивать. Я продолжаю работу, начатую давно, почти с младенчества, в течение всей жизни. Стараюсь поймать какую-то неуловимую нить.

— **У вас в семье — великие предшественники. Скажем, иконописную традицию вы чувствуете, когда берете в руки кисти?**

— Иконописцы были очень давно. Это были прадеды моего дедушки. Это не Нестеров, которого вы знаете. А вот Николая Ивановича Нестерова я считаю единственным своим учителем, хотя он умер, когда мне было всего лишь семь лет. Все основы были даны именно им, и его опыт меня чрез-

уже, увя! Я делаю работы на евангельские сюжеты, но я это делаю на холсте, а не на стене.

— **Вы редко выставляете работы. Неужели так не важно время от времени выходить к людям?**

— Очень важно. Когда вы показываете работу в мастерской, то это работа, которая находится у тебя дома. Когда они повисают на каких-то других стенах, то они выглядят совсем по-другому. Очень важно видеть себя в разных местах.

— **Вы — из тех художников, которые пережили нью-йоркский бум интереса к русскому искусству. Что помогло вам пройти через этот бум?**

— Просто когда открылась такая возможность, приехало очень много художников. Может быть, был просто переизбыток русского искусства. Это, мне кажется, химера, что кто-то интересен, а потом вдруг что-то происходит и он перестает быть интересным. Если ты любишь свою профессию и что-то не получилось, значит, надо затянуть потуже пояс, но не прекращать работу.

— **Для вас это был полезный период, он вам чем-то помог в творчестве, а не для финансового обогащения?**

— Мне стало чуть легче выражать свои мысли, и я перестала быть закрытой. Коснулась каких-то тем, которых бы не кос-

— Я думаю, сейчас грани почти стерлись. Другая страна, — это другая жизнь и другое искусство. Я помню, у Синявского замечательно было сказано: чем больше завинчиваешь гайки, тем больше фантазии и выше пар. У нас жить очень тяжело.

— **По краскам, по тому, что человек пытается выразить на холсте, мы сегодня похожи с американцами?**

— Краски одни и те же. А миры — разные. А так я, например, ненавижу красную краску и никогда ей не пользуюсь. Иногда я что-то пробую в России и потом прихожу к этому в Америке и наоборот.

— **Я понимаю, что выражение избито и его хочется избегать, но гамбургский счет в России и в Нью-Йорке для искусства, для серьезной живописи одинаков?**

— Для русского художника гамбургский счет — в России. Иначе и быть не может.

— **Как вас принимали в Академию художеств? От кого поступило предложение?**

— Я не знаю. Я узнала, что в храме Христа Спасителя объявляли, кто стал членом академии.

— **Что сегодня за организация — Российская академия художеств, куда вы входите и где вы — академик? До революции принадлежность к академии означала принадлеж-**